

конца XV в. «официальной летописью» митрополита, А. Н. Насонову необходимо вновь вернуться к вопросу, поставленному М. Д. Приселковым, но не решенному до конца в нашей науке: о назначении летописи, о той практической и документальной роли, какую играл этот памятник.

Далеко еще не оцененное по достоинству научное наследие М. Д. Приселкова открывает перед нами, как мы видим, целый ряд важнейших вопросов истории древней Руси. Но источниковедческие принципы М. Д. Приселкова имеют значение не только для изучения древней русской истории. Не меньшее значение имеют они и для исторической науки в целом — для решения общих вопросов методологии исторической науки.

На первый взгляд такое утверждение может показаться неожиданным. М. Д. Приселков не был историком-теоретиком; предметом его внимания были конкретные исторические вопросы. Как ученый М. Д. Приселков складывался до революции, под влиянием старой историографической школы, и в первую очередь А. А. Шахматова. Однако с самого начала научной деятельности М. Д. Приселкова его внимание привлекла проблема, имевшая большое методологическое значение, — вопрос о политическом пристрастии летописцев, писавших русскую историю. Представление о тенденциозности некоторых литературных памятников не было вполне чуждо буржуазной науке начала XX в. — уже А. А. Шахматов говорил, как известно, о том, что «рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы».³⁷ Однако зависимость писателя от «мирских интересов» воспринималась историками и особенно литературоведами как досадное и лишь спорадически (обычно во время «смутных времен») возникающее явление. Представление о политических тенденциях как о своеобразном недостатке, присущем лишь некоторым писателям, сохраняется в западном буржуазном литературоведении до сих пор. Большой заслугой М. Д. Приселкова уже в ранних его работах было то обстоятельство, что он взглянул на тенденциозность литературных и государственных деятелей древней Руси как на явление нормальное, не заключающее в себе ничего, нравственно унижающего этих людей: Нестор был, по его представлению, последовательным сторонником политики князя Святослава и вместе с тем крупнейшим писателем своего времени.³⁸ Посвятив почти всю свою научную деятельность летописи как историческому источнику, М. Д. Приселков пришел к представлению о политической тенденциозности как характерном и типичном свойстве исторического источника.

Это положение имеет важнейшее значение для формирования того нового, материалистического источниковедения, которое сейчас, на наших глазах, складывается как важнейшая основа марксистской, материалистической историографии. Проблемы источниковедения не сразу привлекли внимание историков-марксистов. Очень характерно в этом отношении предисловие М. Н. Покровского и Н. М. Никольского к их четырехтомной «Истории России»: «Мы не стремимся ни к каким открытиям ни в области фактов, ни в деле освещения отдельных, специальных научных проблем... — писали авторы. — Мы собираемся брать целиком у других, у исследователей первоисточников их материал и отказываемся заранее от всяких претензий на оригинальность в этом случае... Материал, собранный историками-идеалистами, нам приходится обрабатывать с материалистической точки зрения».³⁹

Легко понять опасность такого разрыва между собиранием материала

³⁷ А. А. Шахматов. Повесть временных лет. Пгр., 1916, стр. XVI.

³⁸ М. Д. Приселков. Нестор летописец. Пгр., 1923, стр. 87—94, 108—112.

³⁹ М. Н. Покровский (при участии Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева). Русская история. М., б. г., стр. 5—6.